

Многослойное общество: “антисистемный” взгляд на современную Россию

Для истории социологической мысли характерно столкновение двух подходов к изучению жизни людей, живущих в одном обществе. Один из них заключается в тезисе, что общество представляет собой единую систему, в которой социальные, экономические и политические институты слаженно взаимодействуют в рамках единой культуры и идеологии. В такой системе большинство людей руководствуется общими ценностями и нормами. Этот подход наиболее основательно изложен Т.Парсонсом. Считается, что парсонсовский системно-интегративный подход прямо противоположен марксистскому анализу общества. Но, по сути, это не совсем так. С марксистской точки зрения, общество разделено на классы, в то же время в центре марксистского видения общества – интегрированная система, целостность которой обеспечивается единым экономическим базисом, определяющим все элементы надстройки, – от политических институтов до морали.

Другой подход основан на утверждении, что общество, как правило, не интегрировано на глубинном уровне, а расчленено на сегменты, каждому из которых присущи собственная культура, своя система ценностей и норм, свои политические и другие институты. Эти сегменты или слои, конечно же, взаимодействуют, чаще всего конкурируя за ограниченные ресурсы и влияние на население. В той мере, в какой эти слои сосуществуют на одной территории, в границах одного государства и, как правило, обладают общим языком и общим историческим прошлым, можно говорить об общей национальной системе. Однако в данном случае имеется в виду скорее система экологического (или бихевиористского) типа, элементы которой, в частности, биологические виды, приспособляются к поведению друг друга и делают это без интегрированных общих ценностей и норм. Сегментный (или партикуляристский) подход к обществу получил активную поддержку, главным образом, в культурно-этническом варианте, в 1960-1980 годы со стороны последователей идеи “культурного разнообразия” и постмодернистов, атакующих “буржуазную культуру” и использующих для этого разработанную в XVIII и XIX веках концепцию классовых антагонизмов и влияния социальной среды на сознание людей.

Трудности в понимании современного российского общества связаны, на наш взгляд, с тем, что почти все, кто пытается определить его характер, исходят из интеграционно-системной теории, в то время как более плодотворным является сегментный подход, который, впрочем, вполне применим к объяснению развития многих, если не всех, стран мира. По крайней мере, сегментный подход хорошо объясняет развитие почти всех посткоммунистических стран, Индии, Японии, Южной Кореи, Ирана и других азиатских и латиноамериканских и африканских стран. Впрочем, если применить тот же подход к Америке, можно достичь более реалистического понимания и этой страны, ибо она, как показали многие авторы, также соткана из существенно различающихся и нередко плохо согласованных элементов, несмотря на то, что, по сравнению с посткоммунистической Россией, американское общество кажется относительно гомогенным. В нем существует большой средний класс, демократические ценности занимают господствующее место в сознании абсолютного большинства американцев. Все они, от ученых до тех, кто не имеет никакой профессии, от убежденных патриотов до тех, кто относится к своей стране чрезвычайно критично, согласны с утверждением, что они живут в либеральном капиталистическом обществе.

Россию (а также многие другие страны, например, Мексику или Южную Корею) нельзя даже приблизительно описать в “системно-интеграционных” или “холистских” терминах – как общество с единой социальной системой, включающей все население страны. Действительно, очень трудно обозначить нынешнее российское общество каким-

то одним термином. Многие западные политики и эксперты, оперирующие дихотомическими понятиями (что заставляет их относить общества либо к авторитарным, либо демократическим), склоняются к тому, чтобы считать Россию демократией. Например, в июне 1997 г. США и другие ведущие страны Запада признали Россию демократическим обществом и пригласили присоединиться к "Большой семерке" в качестве ее полноправного члена. Вместе с тем, если не брать в расчет публичные заявления Кремля, мнение огромного большинства россиян резко расходится с западной версией. Они не называют свое общество ни демократическим, ни либерально-капиталистическим. Чаще других слов для обозначения политического режима в России звучит слово "олигархия". В российских средствах массовой информации только этот термин или эквивалентные ему эвфемизмы типа "семибанкирщина", "номенклатурный капитализм" или "криминальный капитализм" используются для характеристики современного российского общества. Трактую свое общество как олигархическое, то есть "правление немногих", россияне следуют за классическим аристотелевским определением олигархии.

Эволюция либеральных взглядов

В 1992 г. лидер российских либералов и архитектор реформ Е.Гайдар убеждал людей, что впереди, чуть ли не "за углом", находится "нормальное" и "цивилизованное" правовое государство. Он просил потерпеть лишь короткое время [1]. Однако к 1994 г. Гайдар уже именовал русский капитализм "бюрократическим", "плохим государственным капитализмом", "коррупцированным бюрократическим капитализмом" и давал ему негативные характеристики ("предельно несимпатичный") [2]. В опубликованной в 1997 г. книге "Аномалии экономического роста" Гайдар говорит о фактическом образовании "олигархического" общества в России и предполагает, что "сочетание имперской риторики, экономического авантюризма и крупномасштабного воровства могут стать определяющим долгосрочным фактором российской действительности" [3]. Летом того же года Б.Немцов, уже будучи первым заместителем премьер-министра, назвал российское общество "бандитским капитализмом" [4].

Олигархический слой или "рентоискатели"

Действительно, отрицать существование олигархии в России невозможно. Ядро олигархического слоя состоит из богатых людей, которые способны покупать услуги как правительственных чиновников всех уровней (от президента до местных политических деятелей), так и криминальных структур. Важнейшее условие, необходимое для существования олигархического слоя – возможность "найти ренту". Термин "поиск ренты" может быть определен как стремление крупных богатых фирм получить дополнительную прибыль, создавая монополию с помощью государства. "Поиск ренты" не имеет ничего общего со справедливой экономической и политической конкуренцией. Организации и частные фирмы добиваются от государства привилегий, которые помогают сохранять монополию. Методы и политические инструменты, используемые при "рентоискательстве", многочисленны: взяточничество, продажа субсидий, налоговых привилегий, ценовых субсидий, тарифов, импортных квот, лицензий. Многие авторы, описывая олигархию в России, говорят об "обмене власти на деньги". Это неверное определение отношений между властью и "большими деньгами". Обмен предполагает, что участники сделки лишаются одного и приобретают другое. Здесь же выигрывают оба партнера: богатые благодаря полученной ренте становятся еще богаче, а чиновник, получив деньги, помимо всего прочего, сохраняет и расширяет власть.

"Поиск ренты" и коррупция, которая является ее условием, – универсальный феномен, хорошо известный и в США. Американские экономисты изучали его и много писали на эту тему. Однако масштабы "рентоискательской" деятельности в России сопоставимы разве что с уровнем колумбийской коррупции. Среди наиболее успешных "рентоискателей" в России – компании, которые имеют специальные государственные привилегии во внешней торговле, добывающей промышленности и финансовом секторе.

Как правило, "искатели ренты" в одиночку или в коалициях находятся в состоянии постоянной конкуренции и конфликта из-за ограниченности ресурсов, доступных для перераспределения. Одна из наиболее захватывающих войн состоялась в июле 1997 г. Битва между олигархами шла за находящуюся в собственности государства и выставленную на аукцион гигантскую коммуникационную компанию "Связьинвест". Даже по российским стандартам эта война велась чересчур цинично. Каждая сторона пыталась тайно воздействовать на правительство, чтобы получить ренту. При этом никто в России не считал, что аукцион принесет пользу российской экономике, – независимо от его результатов. Он рассматривался как очередное перераспределение государственных доходов – ренты.

Четыре России

Невозможно оспаривать ведущую роль олигархии в российском обществе. Однако, когда россияне говорят о своем обществе как об "олигархическом", они воспроизводят ту же самую "системную", "холистическую" ошибку западных политиков, которые определяют посткоммунистическую Россию как демократию. Для того, чтобы понять российское общество, нужно видеть в нем не один срез (олигархический), но, по меньшей мере, четыре: авторитарный, олигархический, либеральный и криминальный. Назовем их слоями или укладами (можно использовать также термины "секторы" или "сегменты"). Каждый из этих "укладов" имеет свою собственную политическую и экономическую базы, позволяющие более или менее эффективно применять принуждение, экономическое и внеэкономическое, для реализации решений элиты. Два из этих слоев – либеральный и авторитарный – издают законы или постановления, реализацию которых они в какой-то степени могут обеспечивать с помощью правоохранительных органов. Олигархический уклад обеспечивает достижение своих политических целей с помощью денег, которые позволяют полностью либо частично контролировать средства массовой информации и выборы, или даже с помощью частных вооруженных формирований или нанятых преступников. Криминальный сектор, естественно, основывается на применении грубого насилия и шантажа. Каждый из слоев имеет собственные социальные институты, партикуляристскую идеологию со своим отношением к социальной дифференциации и социальной справедливости, публичным благам (культура, образование, здравоохранение, армия и другие), свою мораль, свою систему рекрутирования кадров и соответствующие критерии эффективности.

Авторитарный слой или "рентодаватели"

Можно говорить о двух типах авторитарного уклада – "сильном" и "слабом". В первом случае страна управляется лидером, который способен контролировать бюрократию, особенно региональную, и органы правопорядка, во втором – лидер находится в существенной зависимости от бюрократии со всеми вытекающими последствиями. Слабый авторитаризм в "центре", ведет, как мы это видим в современной России, к сильному, почти деспотическому авторитаризму в провинции. Однако в обоих случаях авторитарный слой обнаруживает себя в стремлении ее лидера и бюрократии управлять страной, минимизируя влияние демократических институтов и контролируя выборы в интересах тех, кто стоит у власти.

После 1993 г. слабый авторитарный российский режим регулярно бросал вызов закону. Без юридических формальностей была начата война в Чечне. Режим расточал государственные деньги на президентскую избирательную кампанию в 1996 г. и использовал свое положение, требуя денег от частных организаций. Кремль принудил средства массовой информации, особенно телевидение, служить его целям в пропагандистской кампании. Ельцин открыто объявил, что губернаторы и президенты национальных республик непосредственно отвечают за результаты выборов.

Главное в том, что посткоммунистическая бюрократия при слабом авторитаризме превратилась в гигантскую сеть "рентодавателей", которые распределяют привилегии экономическим олигархам ("рентоискателям"), в то время как при сильном авторитаризме

только лидер и небольшая группа его друзей и родственников могут выступать в роли "рентодавателей". В то же время, при слабом российском авторитаризме лидеры политических кланов (реальные "рентодаватели") тесно связаны со "своими" "рентоискателями" – олигархами (банками, торговыми компаниями, производителями нефти и газа, средствами массовой информации).

Криминальный слой: контроль над экономикой

Ядро криминального слоя состоит из различных нелегальных структур – от незарегистрированных фирм до криминальных мафий и неорганизованных банд. Организованная преступность – наиболее важный сегмент криминальной России. Мафии функционируют в любой части страны и имеют сети почти в каждом городе. Криминальные организации полностью или частично контролируют мелкое и среднее предпринимательство, а также оказывают существенное влияние на крупный капитал. Теневая экономика – другая важная часть криминальной России. Здесь производится от 30 до 40% ВВП.

Фактически, любое малое и среднее предприятие, а также некоторые большие компании, имеют то, что называется "крыша". "Крыша" – криминальная организация, которая получает от десяти до двадцати процентов прибыли в обмен на защиту от других мафий. Более того, "крыша" оказывается единственным эффективным помощником в разрешении споров с контрагентами, отказывающимися выплачивать долги. Другой хороший индикатор размеров преступного слоя – число лиц, занятых в охране. По некоторым данным, в этот род занятий вовлечено не менее миллиона человек.

Либеральный слой: слабый, но многообещающий

Самое большое достижение посткоммунистической эпохи – появление либерального слоя. Он играет серьезную роль в российской жизни и тесно смыкается с теми, кто верит в триумф демократии и рыночной экономики. Демократические институты (парламент, суд и свободные средства массовой информации) наряду с рыночными институтами (частная собственность, конкуренция, коммерческие банки, фонды, биржи) составляют ядро либерального слоя. Опросы показывают, что большинство россиян поддерживают либеральные ценности и политические свободы. По данным обследования, проведенного фондом "Общественное мнение" в 1997 г., 91% населения высоко оценивает свободу печати; 82% поддерживают свободу перемещений и путешествий за рубеж; 81% – за свободные выборы президента, парламента и губернаторов. Преобладающее большинство согласны с правом иметь частную собственность и законами, защищающими частную жизнь от государственного вмешательства. Даже коммунисты уверяют в своей поддержке этих и других демократических ценностей.

В то же время либеральный сегмент в Российском обществе – самый слабый из четырех. Демократические институты – хилые и нестабильные, особенно в провинции. Хотя они не полностью лишены власти и влияния, противостоять исполнительной власти в конфликтных случаях часто неспособны. Российская экономика все еще далека от того, чтобы быть регулируемой рыночными законами. Экономическая конкуренция ограничена из-за доминирования преобладания национальных и региональных монополий. Бартерные сделки составляют до 40% от общего числа всех сделок, заключаемых в стране. Свобода российских предпринимателей весьма ограничена и число малых и индивидуальных частных предприятий снижается. И частные, и государственные компании не способны регулярно платить жалование двум третям своих служащих. Европейский Союз был прав, когда отказался считать Россию страной с нормальной рыночной экономикой (что было воспринято российским правительством как оскорбление).

Либеральный слой: атаки со всех сторон

Несмотря на скромное влияние, либеральный сегмент российского общества систематически атакуется другими тремя слоями. Кремль унижает либеральные институты постоянно. Он все время держит парламент в подвешенном состоянии, угрожая

ропуском. Должностные лица регулярно демонстрируют свое неуважение Государственной Думе и результатов выборов. Требования масс о регулярной выплате зарплаты и пенсии (или восстановлении сбережений) воспринимаются правящими кругами прежде всего как помеха своей деятельности. Они не находят ничего страшного в глубокой социальной дифференции. Как выразился один из кремлевских лидеров, “не бывает, чтобы всем было сытно и тепло”. Нет ничего удивительного в том, что президент и правительство тратят огромные суммы без согласия парламента.

Олигархи, в свою очередь, унижают едва оперившуюся российскую демократию. Они цинично осуществляют прямой контроль над ведущими телевизионными каналами и газетами. В представлении большого числа россиян нынешние средства информации – не более свободны, чем старые коммунистические. Интересы олигархии препятствуют проведению справедливой избирательной кампании. Среди россиян популярно мнение, что почти любой “деятель” может победить на выборах, даже президентских, обладая достаточной финансовой поддержкой. С другой стороны, справедливым выборам мешают криминальные структуры, иногда очень активно участвуя в избирательной кампании, как это было в Екатеринбурге в 1995 г. во время выборов губернатора. Установлены случаи прямой связи депутатов государственной и региональных дум и их помощников с криминальными организациями. Они же подрывают живую конкуренцию на российском рынке. Организованная преступность открыто вмешивается в рыночный процесс, что делает фактически невозможной свободную конкуренцию среди мелких и средних предпринимателей; кроме того, она активно участвует в перераспределении собственности.

Особенно опасно для либерального сектора наступление, которое ведется против принципов либерализма изнутри. В российском парламенте чуть ли не большинство тяготеет к авторитаризму. Очевидно, парламент больше всего озабочен тем, чтобы его не распустили и его депутаты не лишились той ренты, которая положена им пока они числятся народными избранниками и пользуются этим, хотя и временным, монопольным правом.

Более того, многие российские интеллектуалы, которые совсем недавно воспевали демократические принципы, потеряли веру в способность своего народа к демократическому образу правления и подыгрывают власти и олигархии, утверждая, прямо или косвенно, что массы некомпетентны, полны идеологических предубеждений и неспособны принимать верные решения на выборах. Неудивительно, что летом 1996 г., когда казалось, что коммунисты победят, некоторые из них активно выступали за отсрочку или отмену президентских выборов.

- • **Общая культура и криминализация общественного сознания**

• • **Россияне осознают существование четырех слоев и потому пессимистичны**

Вопрос о том, осознают ли россияне существование четырех слоев, и потому ли пессимистичны, является актуальным. Исследования показывают, что большинство россиян считает, что общество разделено на четыре слоя. Например, в опросе 1997 года 77% опрошенных согласились с утверждением о существовании четырех слоев. В опросе 1989-1993 годов 77% также согласились с этим утверждением [8]. В опросе 1997 года 67% согласились с утверждением о существовании четырех слоев [9]. В опросе 1996-1997 годов 80% согласились с утверждением о существовании четырех слоев [10]. В опросе 1997 года 50% согласились с утверждением о существовании четырех слоев [11].

• • **Экзистенциальный пессимизм, сочетаемый с умеренным повседневным ОПТИМИЗМОМ**

1997 . " "45% " 16% .

" [12].

1996 .. , 37% , 1997 . 16% , 7% , 59% " " 17% (64%) [13].

1992 1993 , - 500 , - , " " - : , 1996 . () 70% ; 67% - , 66% - ; 55% - (, 80%), " 1996 " 1997 .. , 80% "

Заключение

), ()

1. Гайдар Е. // . 1993. 3
2. Гайдар Е. // .: , 1995. Гайдар Е.
.: , 1996. Гайдар Е.
// . 1996. 23
3. Гайдар Е. .: , 1997.
4. . 1997. 29
5. Mitchell W., Munger M. Economic models of interest groups: An introductory survey // American Journal of Political Science. 1991. Vol. 35. P. 525; Parker G. Congress and rent seeking society. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 22; Toward a theory of the rent seeking society / Ed. by J.Buchanan, R.Tollison, G.Tullock. College Station: Texas A&M University Press, 1980. Krueger A. Economists' changing perceptions of government // Comparative economic systems: Models and cases / Ed. by M.Bornsrein. Burr Ridge, Ill.: IRWIN, 1995. P. 86-89.
6. - : . 1997. 11 (155).
7. :
. 1997. 2. . 42, 79.
8. “ ”. 1997. 27
9. “ ”. 1997. 14
10. Лапкин В., Пантин В. “ ” // . 1997.
27
11. “ ”
: . 1995. 7 ; . 1996. 7 ;
. 1997. 10
12. :
. 1997. 4. . 43.
13. “ ”. 1997. 19 . . 28.